



Давид Яковлевич Айзман

Об одном злодеянии

АЙЗМАН Давид Яковлевич [1869–1922] — русско-еврейский беллетрист. Лит-ую деятельность начал в 1901, первый сборник рассказов вышел в 1904 (изд. «Русского богатства», СПб.). Внимание А. привлекала прежде всего еврейская среда; его повести и рассказы: «Ледоход», «Кровавый разлив», «Враги» и др. — беллетристическая интерпретация так наз. «еврейского вопроса» (бесправное положение евреев в царской России, их взаимоотношения с окружающим населением и т. д.), выдержанная в обычном либерально-народническом духе. Оставаясь в общем верным старой реалистической манере письма, А. по ряду внешних признаков примыкает к группе писателей (самым ярким ее представителем является С. Юшкевич), к-рая разрабатывала условный «русско-еврейский» стиль, стремясь оттенить строй еврейской речи.

Давид Айзман
Объ одномъ злодѣяніи
Разсказъ

Было еще совсѣмъ темно, когда извозчикъ Лэйзеръ, присѣвъ на грудѣ лохмотьевъ, служившей ему постелью, зажегъ жестяную лампочку и сталъ одѣваться. Онъ одѣвался медленно, нехотя, кряхтя и кашляя, и то принимался чесать себѣ локтемъ бока, то терся спиной объ стѣну.

— Я знаю?.. Я знаю, что это будетъ? — мысленно говорилъ онъ себѣ. — Только Господь Всевышній можетъ знать. А человѣкъ что? Человѣкъ знать не можетъ.

Онъ всталъ и началъ молиться. И молясь, онъ думалъ не о смыслѣ произносимыхъ словъ, а все о томъ же: неизвѣстно, какъ окончится день, и нельзя знать, будутъ-ли дѣти сегодня сыты,

Окончивъ молитву, Лэйзеръ надѣлъ армякъ, подпоясался ремнемъ и, переступая черезъ спавшихъ на полу дѣтей, направился къ двери. Но здѣсь глазъ его скользнулъ по полкѣ, по лежавшей на ней краюхѣ хлѣба, — и онъ смалодушествовалъ.

— Сося, — тихо и какъ бы вопросительно проговорилъ онъ, оборачиваясь къ женѣ, высохшей, сутуловатой женщинѣ, только-что

слѣзшей съ печки и безмолвно усѣвшейся на перевернутой кадкѣ.

— Ну!

Это «ну» отрезвило Лэйзера. — Въ самомъ дѣлѣ,- что это онъ затѣялъ! Дѣти же вѣдь...

Онъ крякнулъ и шагнулъ къ двери.

— Такъ что же это ты себѣ думаешь? — вызывающе крикнула Сося. — Попадешь ты когда-нибудь на работу?

Лэйзеръ остановился.

— Развѣ я могу знать?.. Можетъ быть Господь благословить...

— Ты ничего не можешь знать! Ничего! Другіе знаютъ же, другіе работаютъ же.

— А я что, не хочу работать? — Лэйзеръ грустно посмотрѣлъ на жену. — Что дѣлать! Бугъ сталь, пшеницы не грузятъ, работы нѣтъ... Придетъ кто-нибудь за однимъ извозчикомъ, и сейчасъ выскакиваютъ двадцать...

— Выскакивай и ты.

— Я стараюсь. Я все дѣлаю...

— Ты ничего не дѣлаешь! Ты лайдакъ, ты спишь на повозкѣ, ты никогда не будешь имѣть работы.

Лэйзеръ вздохнулъ и вышелъ.

Въ сараѣ стоялъ Храпунчикъ, бѣловатая слѣпая кляча съ длинной мохнатой мордой, съ узловатыми ногами, съ нрвалившимся, словно переломаннымъ, хребтомъ и съ. широкими, плоскими, какъ тарелки, копытами. Спотыкаясь и путаясь въ упряжи, Лэйзеръ впихнулъ лошадь въ оглобли, запрягъ и, взявъ возжи въ руки, выѣхалъ со двора.

Когда онъ былъ уже посреди улицы, во дворѣ раздались крики «татэ, татэ», и высокая женская фигура, закутанная въ большой платокъ, подбѣжавъ къ телѣгѣ, стала что-то совать ему въ руки.

— На, возьми! бери!

Лэйзеръ не бралъ и отвелъ руки назадъ.

— А дѣти? — нерѣшительно проговорилъ онъ.

Пара большихъ, глубоко ввалившихся глазъ гнѣвно сверкнула въ едва дрогнувшей тѣмѣ.

— Ну такъ что яжъ, что дѣти! Тебѣ ѣсть не надо?

— Я попаду на работу, такъ и куплю.

— Не руби ты мнѣ мозгъ! «купить»!.. А если на работу не попадешь?.. Цѣлый день не

ѣсть на холодѣ... Свалишься, что тогда будетъ!

Лэйзеръ закашлялъ, потомъ взялъ у дочери ломоть хлѣба и двѣ луковицы и погналъ свою клячу впередъ.

* * *

Ѣхать пришлось левадой, по топкой грязи; колеса уходили въ нее до половины спиць, а иногда, попадая въ яму, погружались и до оси. Лэйзеръ шелъ съ телѣгой рядомъ, въ критическія минуты подталкивалъ ее плечомъ и тянулъ за колеса; лошадку онъ постоянно подбадривалъ, дергалъ возжами и уговаривалъ не лѣниться:— Не, не, веселѣче! Будемъ зѣвать, не будемъ жевать, Храпунчикъ, ты знаешь хорошо!..

Когда добрались до замощенной Херсонской улицы, Храпунчикъ пошелъ живѣе. Лэйзеръ влѣзъ теперь на повозку, сѣлъ на край и ноги свѣсилъ внизъ. Тьма стала понемногу таять, и уже были видны соломенные крыши низеньныхъ домовъ, черныя канавы и безконечные, мѣстами повалившіеся заборы. Вѣтеръ билъ Лэйзера въ затылокъ, а крупа, кружившаяся въ воздухѣ, садилась къ нему на бороду, на лохматыя брови, таяла и разли-

валась по лицу. Лэйзеръ досталъ изъ повозки мѣшокъ, сдѣлалъ изъ него капюшонъ и надѣлъ. Но вѣтеръ сейчасъ же сорвалъ капюшонъ, и какъ Лэйзеръ ни бился, а укрѣпить его ему не удалось. Онъ положилъ мѣшокъ обратно въ телѣгу и, не пытаясь уже защищаться, покорно отдался злобной власти вѣтра и колючей крупы.

— Ента у меня добрая, — думалъ онъ, ежась и постукивая сапогами о телѣгу, — принесла хлѣба... Положимъ, мнѣ хлѣба не надо. Развѣ я могу его ѣсть, когда не хватаетъ дѣтямъ? Теперъ это для меня не хлѣбъ, а раскаленное желѣзо... Но только что? Если разсудить по настоящему, то развѣ человѣку возможно жить, когда онъ не ѣсть?.. На Юмъ-Кипуръ, напрымѣръ, тоже не ѣшь, постишься, — такъ вѣдь это только одинъ день. Наканунѣ наѣшься хорошенечко, и потомъ сидишь себѣ въ теплой синагогѣ и молишься. А многіе, такъ они такіе себѣ деликатные, что не выдерживаютъ и этого: они нюхаютъ нашатырный спиртъ и выходятъ изъ синагоги на холодокъ, прогуляться, напрымѣръ... А тутъ же, вотъ, вчера я легъ голоднымъ, и позавчера

тоже не долъль, и уже, можетъ быть, больше двухъ недѣль, какъ сытъ не былъ... И все семейство голодно... Развѣ это шутка, когда жена и столько дѣтей голодны? Пусть меня Богъ не накажетъ за эти слова, только я совсѣмъ не понимаю, зачѣмъ все это такъ дѣлается...

Черезъ полчаса Лэйзеръ пріѣхалъ на биржу. Посреди обширной, до невѣроятности загаженной площади, подъ высокимъ навѣсомъ, напоминавшимъ своей выгнутой крышей китайскія постройки, находился старый, наполовину засыпанный и давно уже заколоченный колодезь, и около этого колодца, по радіусамъ, располагались ломовики. Теперь ихъ было здѣсь десятка два, и новые прибывали ежеминутно. Лэйзеру удалось пристроить Храпунчика на хорошее мѣсто, за вѣтромъ. Храпунчикъ, какъ только остановился, опустилъ свою лохматую голову къ землѣ и сталъ искать сѣна. Но сѣна Лэйзеръ ему не далъ. Онъ накрылъ лошадку рядомъ, дружески погладилъ по лбу и по вдавленному хребту и отошелъ подъ навѣсъ. Долго, однако, онъ тамъ не пробылъ: вѣтеръ сквозилъ и свисталъ межъ столбами навѣса и прони-

зываетъ насквозь. Лэйзеръ предпочель сквозняку крупу. Онъ вернулся къ Храпунчику и, взобравшись на тельгу, предался размышленіямъ.

— Вотъ, такъ вотъ идетъ человѣческая жизнь!.. Нужна человѣку работа — нѣтъ работы. Нужно человѣку ѣсть — нечего ѣсть. Человѣкъ не можетъ, какъ телеграфный столбъ, цѣлый день на дождѣ и вѣтрѣ стоять, а онъ все-таки стоитъ... Ну? Какъ это понять?.. Я не могу это понять... Или вотъ: дальнѣ Богу одиннадцать дѣтей, и пятеро изъ нихъ умерло, и умерли какъ разъ всѣ мальчики. Мальчика можно отдать въ ученье, къ портному, къ лудильщику, куда-нибудь приказчикомъ. Мальчикъ можетъ помощь дать. А что дѣлать съ дѣвочками? Какъ будешь ихъ выдавать замужъ?.. А Ента, когда Богъ меня уже благословилъ и я достигъ выдать ее замужъ, что съ Ентою? Такая тебѣ выходитъ исторія: сходится ея мужъ съ ума, его забираютъ въ сумасшедшій домъ, а она съ двумя дѣтьми и беременная возвращается ко мнѣ... Такія вовсе дѣла... И были бы хотъ ея дѣти здоровы, — такъ нѣтъ и этого... Что? Себѣ самому

я могу говорить правду, себя самого мнѣ нечего стыдиться: когда Шмилекъ кашляетъ, такъ у меня внутри все разрывается на куски, и когда онъ жалуется и просить ъсть, а ъсть нечего, то я таки плачу... Таки плачу, ну!.. Таки не могу удержаться, отворачиваюсь въ кутокъ и плачу...

— Ты, задумчивый ангелъ! — гаркнулъ за спиной Лэйзера только что подѣхавшій извозчикъ, огромный рыжій верзила, по имени Шлёмка Гицель. — Посторониться не можешь, іюльдъ!

Лейзеръ пугливо оглянулся и проворно подобралъ ноги. Гицель, скверно ругаясь, и по-еврейски, и по-русски, и колотя Храпунчика кулакомъ по шеѣ, сталъ устраивать свою тельгу.

— И отчего-жъ таки мнѣ не плакать, — продолжалъ думать Лэйзеръ, — отчего? Когда одного легкаго у Шмилека уже нѣтъ, а на ногѣ у него такая страшная рана, и она всегда горитъ... Надо Шмилеку рыбій жиръ, надо ему молоко, и для раны какую-нибудь хорошую мазь, — а ничего этого нѣтъ...

Лэйзеръ поднялъ голову и сталъ озираться

ся. Молока неподалеку было сколько угодно: молочный рядъ устьемъ упирался въ площадь и весь видѣнъ былъ какъ на ладони. По другую сторону площади сквозь сѣрую мглу смутно желтѣли растопыренные крылья золоченаго орла. Это аптека. Тамъ, конечно, есть и хорошая мазь для ноги, и рыбій жиръ, и разныя лѣкарства для легкихъ...

— Да, а только что же, когда Богъ не хочетъ, чтобы это было для насъ... И чтобы я такъ не зналъ зла, какъ я не знаю, за что онъ на насъ сердится... И что же, напримѣръ, будетъ, если я таки въ самомъ дѣлѣ свалюсь?.. Вотъ я хочу ѣсть, ужасно хочу ѣсть (Лэйзеръ нащупалъ за пазухой хлѣбъ и луковицы, пососалъ языкомъ и плюнулъ), и я озябъ, вотъ у меня потекла за воротникъ по голой спинѣ вода... Ну что, развѣ я мѣднѣй? Таки заболѣю... Мнѣ по настоящему надо бы теперь съѣсть свой хлѣбъ и зайти себѣ въ «Англию», взять чаю, или тамъ таранки жареной, и поддержать себя, — а нѣтъ возможности... Такъ ѣсть хочу, что душа изъ тѣла уходитъ, — а нѣтъ никакой возможности...

Ноги у Лэйзера озябли до того, что онъ ихъ

не чувствовалъ. Чтобы отогрѣться, онъ усиленно скребъ пальцами подошву, — но это не помогало. Онъ спрыгнулъ съ повозки и принялся притаптывать.

— Уй-уй, какъ холодно! Какъ страшно холодно... Можно бы зайти въ «Англию» — вродѣ какъ будто поискать кого, — и пока что погрѣться; только вѣдь можно же прозѣвать нанимателя... Вотъ такъ на зло всегда выходитъ: сторожишь, какъ собака на цѣли, цѣлюю недѣлю, и не является никто, а на пять минутъ отойдешь — и со всѣхъ сторонъ народъ повалить... Надо терпѣть...

* * *

Въ началѣ десятаго на биржѣ появилась еврейка, въ казакинѣ, въ мужскихъ сапогахъ, и объявила, что ей нужны четыре извозчика, перевозить мебель. Мгновенно на нанимательницу накинuloсь человекъ двадцать, и гвалтъ на площади поднялся такой, какъ если бы кого-нибудь не фигурально только, а самымъ подлиннымъ образомъ рвали на куски. Лэйзеръ тоже полѣзъ было въ толпу, но двое здоровенныхъ дѣтинъ отбросили его прочь, и онъ, не смѣя уже возобновлять свою

попытку, стоялъ позади всѣхъ и, подымая
кверху руки, задыхаясь, кричалъ:- вотъ я!
вотъ я! Я поѣду, я!.. я!

Но еврейкой въ это время овладѣлъ Шлем-
ка Гицель. Онъ схватилъ ее за поясъ и пово-
локъ къ своей телѣгѣ.

— Вамъ четырехъ извозчиковъ не надо, —
гремѣлъ онъ, — будетъ съ васъ двухъ. Ёду я и
вотъ — мой товарищъ... Мы сдѣлаемъ по два
конца.

— Да пустите меня... Не хочу въ два конца,
это будетъ долго. Теперь дни короткіе. Я хочу
все сразу забрать.

— Чего долго! Ничего не долго!.. Галопомъ
поѣду... Садись на повозку, ну-ка!

— Да пустите! Пойдите!

— Зачѣмъ стоять? Стоять некогда! Дни
короткіе. Садись, балабуста, садись. Я-жъ и
знакомый тебѣ, знаю, гдѣ ты живешь — на
Рыбной улицѣ.

— Все не на Рыбной, — на Узенькой.

— А мнѣ бѣда большая, если на Узенькой.
Ну, гопъ! Садись! Живо, вихремъ!

Общій крикъ сдѣлался еще пронзительнѣе.
Извозчики всей стаей напали на Гицеля и

стали его ругать за то, что онъ не «по правилу» забираетъ кліента.

— А чтобы вы сгорѣли, мамзеры проклятые! Ишь глотки, — послѣдовалъ рядъ крѣпкихъ словъ. — Ну чортъ съ вами. Айда мѣряться!

Гицель подбросилъ кнутъ, другой извозчикъ подхватилъ его посрединѣ, и потомъ всѣ желавшіе ѣхать стали охватывать кнутовище указательнымъ и среднимъ пальцемъ, какъ ножницами. Кто окажется наверху, тотъ и поѣдетъ.

Лэйзеръ тоже сунулся къ кнутовищу, но Гицель локтемъ толкнулъ его въ грудь.

— Брысь! куда лѣзешь!

Съ Лэйзеромъ это продѣлывали всегда, когда «мѣрялись», и это было одной изъ причинъ, по которымъ онъ такъ рѣдко попадалъ на работу. Слабый физически и кроткій духомъ, онъ не умѣлъ за себя постоять и отступалъ сразу. На этотъ, однако, разъ на помощь къ нему пришла сама нанимательница.

— Нѣтъ, пусть и онъ, — приказала она.

— «Раввинша»? Ко воѣмъ чертямъ! У него лошадь дохлая.

— Ничего, пусть.

— У него лошадь еще для постройки Соломонова храма камень возила.

— Если онъ не будетъ мѣряться, никого не возьму.

Стиль Гицеля, его разбойничья рожа и своеобразность тѣлодвиженій пугали еврейку. Она была увѣрена, что онъ все раскрадетъ и перебьетъ половину мебели. И остальные извозчики довѣря тоже ей не внушали. Одинъ только Лэйзеръ казался похожимъ на человѣка, и ей очень хотѣлось, чтобы онъ поѣхалъ.

— Знать не хочу! Пусть мѣрятся! — настаивала она.

Ободренный Лэйзеръ опять полѣзъ въ толпу и протянулъ къ кнотовищу озябшіе пальцы. «Господи, сдѣлай, чтобы я былъ наверху! — съ сердечнымъ замираніемъ молилъ онъ. — Помоги мнѣ!.. не для меня, а для Шмилека»...

Господь Шмилеку покровительствовалъ, и молитва Лэйзера была услышана.

Какъ только двинулись въ путь — первы-

мъ шелъ Гицель съ нанимательницей, потомъ два другихъ извозчика и позади всѣхъ Храпунчикъ, — такъ сейчасъ же Лайзеръ вытащилъ изъ-за пазухи хлѣбъ и луковицы, и въ два-три пріема проглотилъ... Точно въ яму все провалилось.

— Ува! какъ ѣсть хочется! — проговорилъ онъ, подбирая съ армяка крошки. — Страшное дѣло, какъ хочется ѣсть... Ну, ничего! До вечера потерпимъ, а вечеромъ все будетъ. Покушаемъ себѣ хорошо... Очень хорошо покушаемъ... Но, но, Храпунчикъ, веселѣче!

Пріѣхали на Узенькую улицу. Мебель еврейки оказалась такая нелѣпая и громоздкая, что укладывать ее на возы было особенно трудно. Сперва вытащили какой-то шкафъ, отъ котораго, пока его несли, отскакивали и шлепались на землю полки и дверцы; потомъ поволокли два огромныхъ ободранныхъ, пудовъ по пятнадцати каждый, дивана. Затѣмъ послѣдовала корявая конторка, кресла безъ ножекъ или безъ сидѣній... Все это извозчики таскались крикомъ, съ гамомъ, съ руганью; а еврейка бѣгала за ними, ужасалась, охала, упрашивала... Лэйзеръ тоже суетился и выно-

силъ вещи полегче. Извозчики не совсѣмъ были неправы, когда не хотѣли брать его въ свою компанію. Чахлый и слабосильный, съ ветхой кляченкой и дрянной телѣгой, онъ былъ для нихъ невыгоднымъ компаньономъ. «Это развѣ извозчикъ? Это раввинша», — говорили они о немъ. И дѣйствительно, для работъ «серьезныхъ», для грузки хлѣба, на примѣръ, Лэйзеръ не нанимался и самъ. Его спеціальностью было отвозить съ базара покупки — нѣсколько пудовъ антрацита, сотню арбузовъ, пустыя бочки, или что-нибудь въ этомъ родѣ. — «Нагрузи его телѣгу какъ слѣдуетъ — она разсыплется, лошадь упадетъ и хлопотъ съ нимъ не оберешься»... И исходя изъ этого соображенія, извозчики и теперь тяжелой, «хорошей» мебели на телѣжку Лэйзера не ставили, а украспи ее кухонной рухлядью да тѣмъ движимымъ, которое хозяйка хранила въ сараѣ.

Въ половинѣ второго нагрузка была окончена, и процессія тронулась. Опять во главѣ пошелъ Гицель, а послѣднимъ Лэйзеръ.

Теперь валилъ уже снѣгъ; вѣтеръ нѣсколько притихъ, но измѣнилъ

направленіе и сдѣлался холоднѣе. Храпунчикъ плелся медленно, вытягивая впередъ мохнатую голову и дѣлая ея такіе движенія, какъ будто говорилъ: «да, да, я согласенъ». Онъ звонко хлопалъ плоскими копытами по жидкой грязи и послѣ каждыхъ двухъ-трехъ шаговъ выказывалъ явное желаніе остановиться. Но Лэйзеръ этого желанія мы раздѣлялъ и, сопя и кашляя, какъ самъ Храпунчикъ, мы переставалъ ему напоминать, что если «захочешь зѣвать, то не будешь жевать».

— Да, вотъ такъ, вотъ оно и есть, вотъ, — бормоталъ онъ. — Лошадь, напрімѣръ, такъ ей еще хуже, чѣмъ человѣку. Человѣкъ, — вотъ, положимъ, какъ я, — когда проголодается, такъ онъ сейчасъ начинаетъ думать, что у него дома жена и дѣти не ѣли, — и въ моментъ его голодъ исчезъ. Уже ты дай мнѣ обѣдъ, какъ у самого барона Гирша, и я его ѣсть не стану. Уже я сытъ! совершенно сытъ, вполнѣ! А лошадь, такъ она этого не понимаетъ. Ей надо, чтобы сѣно было, и конченъ балъ... Нѣ, Храпунчикъ, веселѣче... Уй, уй, какъ, однако, хочется ѣсть! Ажъ кареты въ животъ разѣзжаютъ, ей Богу! Также вотъ мож-

но и въ обморокъ упасть тоже. Развѣ долго? Вовсе не долго.

— Ты, оловянная птица! — гаркнулъ впереди Гицель, — чего отстаешь? Вмѣстѣ съ Мессіей пріѣхать думаешь, что ли?

— Веселѣе, Храпунчикъ, веселѣе! — Лэйзеръ взволнованно задергалъ возжами — Нё, погоняй... А сегодня Сося ругаться не будетъ: когда Богъ благословитъ и принесешь ей, напимѣръ, восемьдесятъ копѣекъ и кварту молока, — а то еще и двѣ кварталы, — такъ она дѣлается добрая... Она очень добрая честное слово! Только съ горя и съ голоду она кричитъ. Всѣ кричатъ, когда голодны... Уй, какъ я ѣсть хочу!.. Никогда въ жизни еще не былъ такъ голоденъ. Прямо огнемъ кишки палить... Это онѣ знаютъ, что есть заработокъ, такъ и строятъ себѣ штуки...

* * *

Около мостика, переброшеннаго черезъ городскую канаву, подъ жидкимъ слоемъ сѣрвовой глины, было подобіе мостовой, и повозка Лэйзера отъ этого стала подпрыгивать, а находившіеся на ней предметы — раскачиваться, гроыхать. Одна кадка наѣхала

на другую, ухватъ и кочерга, торчавшіе изъ нихъ, куда-то провалились, а широкій топчанъ шлвинулся на какой то ящикъ и сталь медленно катиться...

— У! еще надѣлаю шкоды!

Встревоженный Лэйзеръ подбѣжалъ къ возу и началъ умащивать вещи. Когда онъ, пыжась и отдуваясь, налегъ грудью на топчанъ, а руками поддерживалъ готовый свалиться перерѣзь, пальцы его вдругъ погрузились во что-то липкое и холодное.

— Ну, это что за коммерція?

Лэйзеръ посмотрѣлъ въ перерѣзь. Тамъ, среди полудесятка пустыхъ горшковъ и всякой кухонной посуды, стоялъ котелокъ, до краевъ наполненный жаркимъ.

— Тью! Такое вовсе!.. Совсѣмъ кушанье?!..

Озадаченный Лэйзеръ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на свои растопыренные, смоченные соусомъ пальцы, то въ перерѣзь, въ котель.

— Во все кушанье...

Онъ опустилъ руку къ армяку, намѣреваясь ее обтереть, но вдругъ передумалъ и вложилъ пятерню въ ротъ...

— Ува! хорошо!.. И пахнетъ... Уахъ, какъ хорошо!.. до невозможности.

Лэйзеръ сосалъ пальцы, чмокалъ и жмурился.

— Замѣчательно... Ну, надо теперь котель накрыть... Гдѣ тутъ крышка? А вотъ!.. Съѣхала себѣ въ сторону... Надо накрыть... А то вѣдь все расхлупается, пропадетъ все...

Лэйзеръ накрылъ жаркое и отошелъ въ сторону.

— Ухъ, какъ пахнетъ!.. Что это такое туда кладутъ, что такъ хорошо пахнетъ? Корицу? Должно быть, корицу.

Повозка попала вдругъ въ глубокую рытвину и опять послышалось дребезжаніе горшковъ.

— Ну, вотъ тебѣ мостовая!.. Ничего себѣ мостовая... Съ такой мостовой можно же всѣ горшки перебить и можетъ же разлиться вся подливка.

Чтобы она не расплескалась, Лэйзеръ со всѣхъ сторонъ сталъ сдавливать котель горшками. Операція эта удалась вполнѣ, но рука Лэйзера при этомъ снова погрузилась въ соусъ.

— Нѣтъ, это не корица, — сказалъ онъ, облизывая пальцы. — Навѣрное не корица... Духъ совсѣмъ не тотъ... А хорошій духъ! Уй-уй, какой хорошій... И если такъ пахнетъ, когда холодное, то что же будетъ, если его разогрѣть? Совсѣмъ райскій вкусъ будетъ... Ей Богу!.. И вотъ что — я таки теперь припоминаю: я такое жаркое когда-то уже ѣлъ... Навѣрное ѣлъ... только у кого?

Лэйзеръ вложилъ въ ротъ картофелину.

— Да, капля въ каплю, точно такое ѣлъ... Я таки знаю это навѣрное. Только гдѣ и когда — не могу вспомнить... А ну, я кусочекъ мяса попробую. Маленькій кусочекъ, косточку... Ай, ай, какъ вкусно... Всѣ вкусы тутъ... расходится по жиламъ, какъ хорошій бальзамъ... Удивляетъ меня, что я не могу вспомнить, у кого это ѣлъ!.. Прямо досадно... Могу поклясться, чѣмъ угодно могу поклясться, что ѣлъ, а гдѣ — не знаю... Совершенно такое же... И это пахнетъ, и тогда тоже пахло... А-а! Это не корица! Это лавровый листъ! Это вовсе лавровый листъ! Лавровый листъ и гвоздика!.. Конечно, лавровый листъ!.. А я думалъ, что корица... Вотъ дуракъ! Таки настоящій дуракъ... Гвоздика такъ

она совсѣмъ другой духъ имѣеть. Гвоздика — она вродѣ какъ перецъ. Ты думаешь, что перецъ, а раскусишь — и вовсе гвоздика... Ахъ, замѣчательно! Это же только на свадьбѣ можно такое ѣсть, честное слово!..

Разсуждая такимъ образомъ, Лэйзеръ продолжалъ умащивать горшки, — лѣвой рукой. Правую-же онъ топогружалъ въ котелокъ, то подносилъ ко рту.

— А-га-га-га!.. Вспомнилъ!.. Таки вспомнилъ... Это же я у мусю Цыпоркеса такое кушанье ѣлъ!.. Ну да, конечно... Я тогда привозилъ ему вино съ парохода — онъ же все изъ Одессы себѣ выписываетъ, — и меня позвали на кухню и угостили... Ну да, у мусю Цыпоркеса... Большой человекъ мусю Цыпоркесь, магнатъ. Свинья, но магнатъ... Только что же это, ей Богу, я совсѣмъ не понимаю: у мусю Цыпоркеса было тогда обрѣзаніе, такъ у него могло быть такое жаркое. А это же простая еврейка... Что такое ея мужъ? Приказчикъ на лѣсной! — и она въ будни, въ простой четвергъ, дѣлаетъ такое жаркое... Вотъ, такъ вотъ наши евреи и любятъ: заработаютъ рубль, а проживутъ три. Шарлатаны... А русскіе отъ

этого воображаютъ, что всѣ евреи ужасно богаты, и за это насъ бьютъ. Изъ-за такихъ вотъ расточителей насъ и ненавидятъ... Видалъ ты такое? Лавровый листъ! Она безъ лавроваго листа не можетъ! Паскудница какая... Ну, а только я тоже хорошъ: совсѣмъ и позабылъ, гдѣ ѣлъ такое жаркое. Га?.. Что ты на это скажешь? Вотъ исторія!

Мостовая давно кончилась, телѣга пошла ровнѣе, горшки уже не дребезжали и стояли спокойно, но Лэйзеръ все еще ихъ умащивалъ... Онъ въ послѣдній разъ просунулъ руку къ котлу, сгребъ прилипшія ко дну картошки, обсосалъ начисто пальцы и, накрывъ старательно котель крышкой, отошелъ къ сторонѣ... Впереди, на разстояніи полуквартала, одна за другой, тянулись первыя три телѣги, и подлѣ нихъ, съ лампой въ одной рукѣ и зеркаломъ въ другой, высоко подоткнувъ юбки, шагала хозяйка.

— Ой! А если она спохватится... Ой, Боже мой!..

Лэйзеръ замеръ.

— Эй, нѣтъ!.. «Спохватится». Чего ей спохватываться? Вотъ такъ вдругъ, сразу и спо-

хватится?.. Непремѣнно ей сейчасъ надо спохватиться?.. Ничего не будетъ. Приѣду на мѣсто и сейчасъ снесу всѣ горшки, заставлю кадками — и готово... А какъ съѣду со двора, тогда пусть она себѣ и спохватывается. Поди, ищи меня тогда, кусай въ поясницу... Э! нечего и беспокоиться. Что она, судиться со мной будетъ? У нея есть свидѣтели?.. Я ея не боюсь!.. Такой она важный вахмистръ, чтобы я боялся?.. нисколько не боюсь... Пся!..

* * *

Извозчики успѣли уже наполовину разгрузить первую телѣгу, когда Храпунчикъ доползъ, наконецъ, до мѣста назначенія.

— А, сухая кишка! — привѣтствовалъ Лэйзера Гицель. — Еще не издохъ.

Лэйзеръ молчалъ. Внутри все у него трепетало и дрожало мелкой дрожью. Глаза не смотрѣли ни на кого, и языкъ точно распухъ... Онъ поспѣшно развязалъ веревки, которыми укрѣпленъ былъ на его телѣгѣ скарбъ, и суетливо сталъ его носить... Черезъ нѣсколько минутъ дѣло было облажено: всѣ горшки и котлы стояли въ узкомъ проходѣ между печью и стѣной, спереди замаски-

рованы кадкой.

— Ну, теперь готово. Теперь неопасно. Теперь вотъ снесутъ только диваны — и конечно, конченъ балъ... Храпунчикъ, ничего! Накушаешься сегодня замѣчательно.

Уже вся мебель была составлена. Извозчики вытирали вспотѣвшіе лбы, поправляли упряжь на лошадяхъ и располагались уѣзжать. Ждали только расплаты.

— Мадамъ! пожалуйста рассчитываться, — приглашалъ Гицель запропастившуюся куда-то хозяйку. Онъ имѣлъ намѣреніе получить на чай, и сдѣлался галантенъ.

— Мадамъ, гдѣ вы? Пожалуйста, мы ждемъ. Потрудитесь!..

И вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ непонятное. Мадамъ, какъ бомба, выскочила на крыльцо и, потрясая надъ головой пустымъ котломъ, заорала:

— Арестанты! Жулики! Махтемойники! Чтoby вы поздыхали, проклятые! Вы думаете, я вамъ буду молчать! Вы думаете, это вамъ пройдетъ даромъ! Шарлатаны, каторжники!..

— Ого! — весело отозвался Гицель, — умѣешь! Въ моей гимназіи училась, что-ли?

— Я тебѣ покажу гимназію, чтобѣ ты почернѣлъ! Я тебѣ покажу!

И показывая собиравшимся на крикъ жильцамъ пустой котелъ, еврейка продолжала:- такіе жулики, такіе прохвосты! Я нарочно вчера еще сдѣлала жаркое, думала, сегодня съ перевозкой не поспѣю, думала, какъ перевезутъ мебель, у сосѣдей нагрѣю и будетъ дѣтямъ готовый обѣдъ, а эти негодяи слопали. Все слопали!.. Ну! Ну!.. Что я теперь должна дѣлать?

— Сваришь другое, — услужливо посовѣтовалъ Гицель.

— Другое?! А я вотъ вычту съ тебя, такъ ты и будешь знать «другое», каторжникъ! Мнѣ жаркое въ полтора рубля обошлось, ты мнѣ за него заплатишь...

— Я заплачу? Я?

Гицель подошелъ къ еврейкѣ поближе.

— А это вотъ, — такъ, по совѣсти, если тебя спросить — ты видала?

Онъ поднесъ къ ея лицу шаршавый, величиной въ добрый качанъ капуста, кулакъ.

— Кто твое жаркое ѣлъ — на здоровье ему! — пусть онъ и платитъ. А со мной ты эту

политику брось... Восемь гривенъ подавай! — вдругъ загремѣлъ онъ звѣринымъ голосомъ. — И четвертакъ на чай, за диваны!..

Крикъ на дворѣ стоялъ еще долго. Еврейка безстрашно твердила свое и собиралась вычесть голтора рубля; извозчики же, вдохновленные этимъ обѣщаніемъ, поминали родителей и располагались выбивать зубы и стекла... Лэйзеръ стоялъ нѣсколько въ сторонѣ, позади Храпунчика. Въ злодѣяніи своемъ онъ не признавался. Запираться, однако же, тоже не запирался. Онъ стоящъ молча, понурый, блѣдный, и только по временамъ порывисто поднималъ голову, испуская какой-то странный звукъ, — и потуплялся опять...

— Нѣтъ, одинъ человѣкъ сожрать не можетъ, это немислимо! — размахивала руками еврейка. — Четыре фунта мяса, приварокъ... Надо имѣть не животъ, а рундукъ, чтобъ это выдержать... Всѣ вмѣстѣ жрали, махшейники проклятые...

Окончилось дѣло тѣмъ, что тремъ извозчикамъ хозяйка заплатила полностью, и даже на водку прибавила, а Лэйзеру не дала ничего.

— Старый человекъ, — кричала она ему, когда онъ съѣзжалъ со двора, — съдой человекъ, а дѣлаетъ такое свинство! Надо васъ въ часть отправить, только мнѣ паскудиться не охота...

Уже темнѣло. Снѣгъ пересталъ и вѣтеръ стихъ тоже, но бралъ сильный морозъ. Мокрый армякъ Лэйзера скоро окаменѣлъ, и тарелкообразныя копыта Храпунчика уже не шлепали по лужамъ, а гулко стучали о мерзлую землю...

Когда черезъ часъ Лэйзеръ подѣзжалъ къ своему жилью, издали, изъ непроглядной тьмы, послышался радостный возгласъ.

— Да будетъ восхвалено Его святое имя!..

И Сося поспѣшно приблизилась къ телѣгѣ.

— Ну? Сколько?

По тому, что Лэйзеръ приѣхалъ поздно, она знала уже, что онъ на работу попалъ. И въ теченіе добрыхъ двухъ часовъ она съ Ентой и другими дѣтьми обсуждала, успѣютъ ли еще сбѣгать въ мясную за требухой, чтобы сварить супъ. Полагали, что успѣютъ...

— Давай же сюда молоко, — сказала Сося, наваливаясь грудью на телѣгу. — Не перевер-

ни только, темно.

— Нѣту молока.

— Не купилъ? Ну ничего! Фейгочка къ Мудрецахъ сбѣгаетъ, Мудрецеца доить поздно.

— Я не работалъ сегодня.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Га?

— Никто не приходитъ нанимать... Что ты хочешь?.. До сихъ поръ ждалъ на биржѣ... Ни сумасшедшей собаки не видно...

Лэйзеръ отпрягъ Храпунчика и поставилъ на мѣсто. Лошадь немедленно принялась шарить по сторонамъ, ища обѣщанныхъ съ утра лакомствъ. Но тряпкообразныя губы ея встрѣчали однѣ лишь холодныя доски...

* * *

Черезъ полчаса Лэйзеръ лежалъ на кучѣ тряпокъ и ладонями сжималъ себѣ голыя ступни. Ему казалось, что ступнямъ отъ этого теплѣе. Сося и дѣти лежали на своихъ мѣстахъ и, чтобы не чувствовать голода, силились заснуть. Всѣ молчали; Только маленькій Шмилекъ, лежавшій съ матерью на нетопленной печкѣ, тоненькимъ, сиплы-

МЪ ГОЛОСКОМЪ МОНОТОННО ТЯНУЛЬ:

— Немножко молока, ма-ама!

— Молоко будетъ завтра, Шмилекъ, завтра.

— Молока... Я хочу молока-а-а...

— Завтра, сыночекъ, завтра... Завтра будетъ и молоко, и супъ. Хорошій супъ, съ мясомъ, съ курицей.

— У меня сердце горитъ... Молока-а-а...

Ента не отвѣчала.

— Я Ёсть хочу, молокаа...

— Ну ша, ша... ну что дѣлать? ты голодены!

Всѣ же голодны, всѣ не Ёли... И вотъ дѣдушка, старый и больной, и весь день на холодѣ и на дождѣ былъ, и тоже вѣдь ничего не Ёль...

Лэйзеръ перевернулся на своемъ ложѣ. Совѣсть его мучила, а во рту еще ощущался сладостный запахъ гвоздики и лавроваго листа...

Д. Айзманъ.

1902